

Глава 16

ЛЕНИН: “О, МНЕ ХОТЕЛОСЬ БЫ ПОЦЕЛОВАТЬ ТЕБЯ ТЫСЯЧУ РАЗ...”

В марте 1992 года в журнале “Свободная мысль” было опубликовано трогательное письмо большевички Инессы Арманд из Парижа в Краков Ленину, в котором, в частности, содержались следующие строки: “Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я чувствую, никогда ты сюда не приедешь! Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознавала, как никогда раньше, какое большое место ты еще здесь, в Париже, занимал в моей жизни, что почти вся деятельность здесь, в Париже, была тысячью нитей связана с мыслью о тебе. Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда я тебя очень любила. Я бы и сейчас обошлась без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью — и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать? Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты “провел” расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя...”

О взаимоотношениях Ленина и Инессы Арманд рассказывалось в моих статьях “Совсем-совсем другая вещь...” (“Демократическая газета”, № 16, апрель 1992 г.), “Возлюбленная Ленина”, “ЛГ — Досье”, № 8, 1992 г.) и др.

В вышедшей в свет в 1993 году книжке директора существовавшего тогда Центрального музея В.И.Ленина В.Мельниченко “Феномен и фантом Ленина” моей статье посвящены следующие строки: “...даже публикации, содержащие архивные материалы и претендующие на научность, окра-

шены модным нынче стремлением умалить, уязвить Ленина. Прочитав, скажем, в “Досье” интересную газетную статью “Возлюбленная Ленина”, понимаешь, что написана она во имя надуманного и наивного вывода о том, что-де “только ради революции (?) оставил (?) Ленин любимую женщину”. Да неужели Ленин был равен нынешним своим хулителям — по примитивности и убогости чувств?! Нет, конечно... Быстрее бы опубликовали неизвестные пока письма Ильича к Инессе, только в них — правда отношений”.

Сам же Мельниченко здесь же утверждал: “Социал-демократ, экономист, впоследствии академик АН СССР П.П. Маслов, знавший Ленина с 90-х годов XIX века, написал о вожде вскоре после его смерти: “Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что на все основные вопросы, которые можно поставить, его цельность дала бы такой ответ: “Что есть “истина”? — “То, что ведет к революции”. — “Кто друг?” — “Тот, кто ведет к революции”. — “Кто враг?” — “Тот, кто ей мешает”. — “Что является целью жизни”? — “Революция”. — “Что выгодно”? — “То, что ведет к революции”. И т.д. и т.д. Думаю, что Маслов в конечном счете не ошибался”.

Впрочем, вся книжка директора полна грубыми эпитетами в адрес публикаторов неизвестных ранее ленинских работ. Вопреки утверждениям Мельниченко — в своих статьях, затрагивающих личную жизнь Ленина, я никоим образом не стремился его “умалить, уязвить”. Наоборот, подчеркивал — тот факт, что вождь мирового пролетариата пережил настоящую любовь, делает его образ в глазах потомков более человечным (например, в моей статье “Шел поезд через Европу. Новые штрихи к портрету В.И.Ленина”. “Российская газета”, 9 декабря 1993 г.).

Ж.Трофимов в книжке “Волкогоновский Ленин” утверждает, будто именно единственное обнародованное письмо Арманд к Владимиру Ильичу “латышевым и волкогоновым помогло громогласно и со злорадством объявить Инессу Федоровну “возлюбленною Ленина”. Перечислив полдюжину публикаций Латышева, “оперативно сочинившего статьи” на эту тему, Ж.Трофимов утверждает, будто мне, “несмотря на все ухищрения... так и не удалось доказать, что И.Арманд была любимой женщиной Владимира Ильича”, и, “сознавая это”, я, мол, “уныло констатировал: “Не найдены пись-

ма Ленина к Арманд периода их близких отношений, которые, по-видимому, имели место короткое время осенью 1913 года. Очевидно, эти письма безвозвратно потеряны”.

Оставляю на совести Трофимова определение, что я “оперативно сочинил” свои статьи (хотя в них я впервые ввел в научный оборот полтора десятка не публиковавшихся ранее писем Ленина к Арманд и купюр из уже опубликованных писем). Но почему он, как и некоторые другие оппоненты, ссылаясь на ряд впервые опубликованных мною купюр из ленинских писем, обходит одну из них, раскрывающую причину безвозвратной утраты писем Ленина к Арманд периода до проведенного вождем “расставания”? Вот этот ленинский текст, свидетельствующий, что еще в начале июля 1914 года между адресатами шли объяснения в связи с проведенным “расставанием”: *“Никогда, никогда я не писал, что я ценю только трех женщин. Никогда!!! Я писал, что самая моя безграничная дружба, абсолютное уважение и доверие посвящены только 2-3 женщинам. Это совсем другая, совсем-совсем другая вещь.*

Надеюсь, мы увидимся здесь после съезда и поговорим об этом. Пожалуйста, привези, когда приедешь (т.е. привези с собой) все наши письма (посылать их заказным сюда неудобно: заказное письмо может быть весьма легко вскрыто друзьями. — И так далее...) Пожалуйста, привези все письма, приезжай сама и мы поговорим об этом”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.24299).

Сомнений нет — Ленин просил вернуть свои письма не для последующей их публикации, а для уничтожения. Кстати, и сама Инесса беспокоилась о судьбе своих писем — о чем свидетельствует концовка ее цитируемого выше письма к Владимиру Ильичу:

“Ну, дорогой, на сегодня довольно — хочу послать письмо. Вчера не было письма от тебя! Я так боюсь, что мои письма не попадают к тебе — я тебе послала три письма (это четвертое) и телеграмму. Неужели ты их не получил? По этому поводу приходят в голову самые невероятные мысли. Я написала также Н.К. (Крупской — А.Л.), брату, Зине (жене Г.Зиновьева — А.Л.). Неужели никто ничего не получил! Крепко тебя целую. Твоя Инесса”. Комментарий Ж.Трофимова бескомпромиссен: “Что же касается “письменных” по-

целуев, то они шли только с ее стороны и, по всей видимости, и оставались только “письменными”. В письмах же Владимира Ильича не было ни одного поцелуя”...

Жорес Александрович делает даже текстуальный анализ письма Арманд, комментируя фразу: “Я бы **и сейчас** (подчеркнуто Трофимовым — *А.Л.*) обошлась без поцелуев” как доказательство того, что “**и раньше** их не было”. В конце концов не я первый опубликовал это письмо, а работники архива, и неужели Трофимову не ясно, что создаваемый им образ годами не находящей взаимности настырной Инессы Федоровны опошляет облик этой незаурядной женщины, а заодно — и самого вождя.

Тем более, что Волкогонов опубликовал следующую купюру из письма Ленина к Арманд (на французском языке): “О, мне хотелось бы поцеловать тебя тысячи раз, приветствовать тебя и пожелать успехов: я вполне уверен, что ты одержишь победу. Искренне твой В.Л.” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.3327). Дмитрий Антонович отметил, что изъятие этих “тысяч поцелуев” произведено из большого ленинского письма, отправленного адресату в июле 1914 года, в котором “много тем: о предстоящем докладе Инессы, о Вандервельде, Розе Люксембург, Ягелло, Каутском, других социал-демократах”. Следует эта купюра “сразу же после рассуждений о ликвидаторах, профессиональных союзах и страховых кассах”. А непосредственно после “тысяч поцелуев” — текст: “Я забыл о денежном вопросе. Мы оплатим письма, телеграммы (пожалуйста, телеграфируй почаще) и железнодорожные расходы, расходы на гостиницу и т.д. Помни об этом”. Можно сделать вывод — советские цензоры изъяли “крамольное” предложение с ленинскими поцелуями из текста письма, опубликованного в 48 томе пятого собрания сочинений как раз между страницами 311 и 312. А тот факт, что я не выявил эту купюру в подготовительных материалах шестого издания собрания сочинений вождя, свидетельствует, что она должна была “секретиться” и от будущих поколений.

Свидетельством переживаний самого Ленина может служить его откровенное письмо Инессе Федоровне в первой половине мая 1914 года: “...как я ненавижу суетню, хлопотню, делишки и как я с ними неразрывно и навсегда связан!!

Это еще лишний признак того, что я обленился, устал и в дурном расположении духа. Вообще я люблю свою профессию, а теперь я часто ее почти ненавижу” (48; 285).

Личная жизнь властителей судеб миллионов людей, будь то Наполеон или Ленин, Сталин или Гитлер, всегда вызывала повышенный интерес. Как пишет Н.Валентинов в книге “Встречи с Лениным”, еще в 30-е годы в издательстве “Bandinere” увидела свет книга “Тайные любовные увлечения Ленина”, написанная двумя авторами — французом и русским (первый, скорее всего, был только переводчиком). Впервые в виде статей она появилась в 1933 году в газете “Intransigeant” (“Непримиримая” — ежедневная газета, выходившая в Париже в 1880-1948 гг.). Книга рассказывала об интимных отношениях Ленина с некоей Елизаветой К. — дамой “аристократического происхождения”. В ней приводились письма Ленина к этой К., которые даже на глаз неспециалиста выглядели явной фальшивкой.

А Д.Волкогонов приводит документ из Архива Президента, согласно которому С.Тихомирнов, которому было поручено участвовать в собирании и хранении ленинского наследия, в ходе своей поездки в Париж в середине 30-х годов вел переговоры с бывшим большевиком Г. А. Алексинским, одним из первых летом 1917 года обвинившем Ленина в получении “немецких денег”. В записке с грифом “сов.секретно” Тихомирнов докладывал: “При первой встрече он показал мне очень осторожно письма, судя по всему, написанные Лениным. Почерк, насколько я мог убедиться (вчитываться в них Алексинский не давал), абсолютно схож с ленинским. Эти письма, как говорит Алексинский, писались Лениным одной писательнице, которая была в близких отношениях с ним, но не была членом партии. Лицо это не хочет передавать эти письма нам, пока жива Надежда Константиновна. Эта женщина вполне обеспечена, т.к. получила средства от нас из Москвы и они проходили или через Менжинского или через Дзержинского, а сейчас получает регулярно соответствующую сумму из вклада в банке”.

Н.Валентинов же считал, что Ленин “был глубоко увлечен, скажем, влюблен в Инессу Арманд — его компаньонку по большевистской партии. Влюблен, разумеется, по-своему, т.е., вероятно, поцелуй между разговором о предатель-

стве меньшевиков и резолюцией, клеймящей капиталистических акул и империализм”.

Знакомство вождя с Арманд произошло в 1909 году в Париже, и внимание, которым Ленин окружал Инессу, росло в 1910-1912 годы. Они часто подолгу разговаривали в кафе на avenue d'Orleans. “Ленин не спускал своих монгольских глаз с этой маленькой француженки”, — свидетельствовал французский социалист и большевик Шарль Раппопорт. Сама же Арманд в единственном опубликованном письме к Ленину так описывала свои чувства на заре их знакомства: “Тебя я в то время боялась пуще огня. Хочется увидеть тебя, но лучше, кажется, умереть бы на месте, чем войти к тебе, а когда ты почему-либо заходил в комнату Н.К. (где в этот момент находилась Инесса — *А.Л.*), я сразу терялась и глупела. Всегда удивлялась и завидовала смелости других, которые прямо заходили к тебе, говорили с тобой. Только в Лонжюмо и затем следующую осень в связи с переводами и пр. я немного попривыкла к тебе. Я так любила не только слушать, но и смотреть на тебя, когда ты говорил. Во-первых, твое лицо так оживляется, и, во-вторых, удобно было смотреть, потому что ты в это время этого не замечал”.

В августе 1910 года Ленин достал лишь два приглашения на Копенгагенский конгресс II Интернационала — и он пишет большевику М.Кобецкому: “Прилагаю две карты — все, что я добыл. Впишите имя Инессы”. (Лен. сб. XII, с.184).

Известны все апологетические описания внешности Инессы Арманд. А вот “объективистское”, непредвзятое агентурное донесение в Московское охранное отделение, пришедшее из ленинской школы в Лонжюмо: “История социалистического движения в Бельгии — 3 лекции; читала их эмигрантка Инесса, оказавшаяся очень слабой лекторшей и ничего не давшая своим слушателям. Инесса (партийный псевдоним, специально присвоенный на время преподавания в школе) — интеллигентка с высшим образованием, полученным за границей; хотя и говорит хорошо по-русски, но, должно думать, по национальности еврейка; свободно владеет европейскими языками; ее приметы: около 26-28 лет от роду, среднего роста, худощавая, продолговатое, чистое и белое лицо; темно-русая с рыжеватым оттен-

ком; очень пышная растительность на голове, хотя коса и производит впечатление привязанной; замужняя, имеет сына 7 лет, жила в Лонжюмо в том же доме, где помещалась и школа; обладает весьма интересной наружностью”.

Агент кое в чем оказался неправ: Инесса — это подлинное имя Арманд, по национальности она не еврейка, а французка по отцу (мать была шотландкой, а по некоторым данным — потомком обрусевших выходцев из Англии). И было ей тогда уже 37 лет.

Приведем несколько отрывков из воспоминаний Крупской об Арманд. Они создают хороший фон для показа взаимоотношений Ленина и Инессы.

О знакомстве с Арманд: “В 1910 году в Париж приехала из Брюсселя Инесса Арманд и сразу же стала одним из активных членов нашей Парижской группы. Вместе с Семашко и Бритманом (Казаковым) она вошла в президиум группы и повела обширную переписку с другими заграничными группами. Она жила с семьей, двумя девочками и сынишкой. Была горячей большевичкой и очень быстро около нее стала группироваться наша парижская публика”.

Крупская рассказала, как Инесса Арманд снимала дом, в котором жили ученики ленинской школы в Лонжюмо, организовала там столовую для учеников, в которой питались и Ленин с Крупской. После переезда Ленина в Краков Инесса Арманд по его поручению выехала в Россию. И вскоре была там арестована, но, стараниями бывшего мужа, спустя полгода была выпущена под залог, что дало ей возможность до суда скрыться за границу и приехать к Ленину в Поронино. Крупская пишет:

“Арестованная в сентябре 1912 г., Инесса сидела по чужому паспорту в очень трудных условиях, порядком подорвавших ее здоровье, — у нее были признаки туберкулеза, — но энергии у ней не убавилось, с еще большей страстностью относилась она ко всем вопросам партийной жизни. Ужасно рады были мы, все краковцы, ее приезду... Осенью мы все, вся наша краковская группа, очень сблизилась с Инессой. В ней много было какой-то жизнерадостности и горячности. Мы знали Инессу по Парижу, но там была большая колония, в Кракове жили небольшим товарищеским замкнутым кружком. Инесса наняла комнату у той же хозяйки,

где жил Каменев. К Инессе очень привязалась моя мать, к которой Инесса заходила часто поговорить, посидеть с ней, покурить. Уютнее, веселее становилось, когда приходила Инесса.

Вся наша жизнь была заполнена партийными заботами и делами, больше походила на студенческую, чем на семейную жизнь, и мы были рады Инессе. Она много рассказывала мне в этот период о своей жизни, о своих детях, показывала их письма, и каким-то теплом веяло от ее рассказов. Мы с Ильичем и Инессой много ходили гулять. Зиновьев и Каменев прозвали нас “партией прогулистов”. Ходили на край города, на луг (луг по-польски — “блонь”). Инесса даже псевдоним себе с этих пор взяла — Блонина. Инесса была хорошая музыкантша, сагитировала сходить всех на концерты Бетховена, сама очень хорошо играла многие вещи Бетховена. Ильич особенно любил “Sonate Pathetique”, просил ее постоянно играть”.

Можно предположить, что именно виртуозная игра Арманд на рояле повлияла на “грехопадение” вождя. “Десять, двадцать, сорок раз могу слушать Sonate Pathetique, и каждый раз она меня захватывает и восхищает все более и более”, — говорил Ленин.

Но главным для вождя было, конечно, то, что влюбленная в него красивая женщина оказалась и единомышленницей. Справедливо писала Надежда Константиновна о своем муже, что “никогда не мог бы он полюбить женщину, с которой бы он расходился во взглядах, которая не была бы товарищем по работе”. Причем Ленин не мог не ценить в Инессе самостоятельность суждений, твердый характер, неистощимую энергию. “Я уверен, что ты из числа тех людей, кои развертываются, крепнут, становятся сильнее и смелее, когда они одни на ответственном посту”, — писал Ленин Арманд в середине июля 1914 года (48; 307). Не мог не восхищаться вождь ее блестящим знанием пяти языков, благодаря чему Инесса являлась его незаменимой помощницей на международных конференциях и конгрессах.

В 1952 году умерла Александра Коллонтай, и в том же году на страницах парижского журнала “Reuves” была опубликована беседа с ней француза Марселя Боди, который сотрудничал с Коллонтай в России в революционные годы, а

затем под ее руководством работал в советском посольстве в Осло. Коллонтай хорошо знала Арманд, переписывалась с ней, хотя отношения между ними не были безоблачными (что естественно для двух “примадонн” большевистской элиты). Со слов Коллонтай Боди сообщил, что Крупская, узнав о любви мужа к Инессе, причем от него самого, хотела “отстраниться”, уйти, но Ленин не желал идти на разрыв с женой. “Оставайся”, — просил он Надежду Константиновну.

“Расставание”, которое произошло по инициативе Ленина, безусловно, подтолкнуло Арманд уехать из Кракова. Крупская дает такую интерпретацию ее отъезда: “Сначала предполагалось, что Инесса останется жить в Кракове, выпишет к себе детей из России; я ходила с ней искать квартиру даже, но краковская жизнь была очень замкнутая, напоминала немного ссылку. Не на чем было в Кракове развернуть Инессе свою энергию, которой у нее в этот период было особенно много. Решила она объехать сначала наши заграничные группы, прочесть там ряд рефератов, а потом поселиться в Париже, там налаживать работу нашего комитета заграничных организаций”.

Арманд в письме к Ленину также тепло вспоминала об общении с Крупской: “Много было хорошего в Париже и в отношениях с Н.К. В одной из наших последних бесед она мне сказала, что я ей стала дорога и близка лишь недавно. А я ее полюбила почти с первого знакомства. По отношению к товарищам в ней есть какая-то особая чарующая мягкость и надежность. В Париже я очень любила приходить к ней, сидеть у нее в комнате. Бывало, сядешь около ее стола — сначала говоришь о делах, а потом засиживаешься, говоришь о самых разнообразных материях. Может быть, иногда и утомляешь ее”.

В том же письме Инесса сообщала Ленину о своей работе с заграничными большевистскими группами: “Завтра будет заседание КЗО. Я думаю здесь прочитать перед группой доклад о совещании и хочу у тебя попросить совет о конспирации, что можно говорить, чего нельзя. Например, можно ли говорить об организациях и, указывая разнообразие организационных форм, прямо указать — в Москве так-то, а в Питере иначе, и можно ли, например, сказать, что организация держится на таких-то и таких-то легальных организациях

(проф.союзы, певческие общества, кооперативы и пр.), или это неконспиративно и пр. Буду благодарна за всякие советы и указания, которые ты мне пришлешь по поводу доклада. Только ответ поскорее”. И далее: “Еще вот что прошу тебя. Когда будешь писать мне о делах, то как-нибудь отмечай, о чем можно говорить КЗО и чего говорить нельзя. А то иногда хочется сказать что-нибудь и не знаешь, как ты на это смотришь”.

Уехав из Кракова, Арманд продолжала выполнять важные поручения Лёнина.

Опубликованы несколько писем Инессы к Крупской. Деловые, но очень теплые, с обращением на “ты”.

“Инесса на лето выписала детей из России и жила в Триесте у моря, — свидетельствовала Крупская. — Она готовила доклад к Международному женскому конгрессу, который должен был состояться в Вене одновременно с конгрессом Интернационала. Пришлось ей еще работать по другой линии. В половине июня Международное социалистическое бюро наметило созвать в Брюсселе совещание представителей 11 организаций РСДРП всех направлений и организовать там обмен мнений между этими организациями в целях установления единства”. Подобная позиция МСБ “приводила Ильича в бешенство. Сам он решил на брюссельскую объединительную конференцию не ехать. Поехать должна была Инесса. Она владела французским языком (французский язык был ее родным), не терялась, у нее был твердый характер. Можно было на нее положиться, что она не сдаст. Инесса жила в Триесте, и Ильич послал туда доклад ЦК, составленный им, послал целый ряд указаний, как держаться в том или другом случае, обдумывал все детали. В делегацию ЦК, кроме Инессы, входили еще М.Ф.Владимирский и И.Ф.Попов. Доклад ЦК огласила Инесса на французском языке. Как и следовало ожидать, дело не ограничилось обменом мнений”.

Возможно, что после начала мировой войны Инесса Арманд стремилась выйти из-под политического влияния вождя. Писательницей Ларисой Васильевой опубликована беседа с близко знавшим Ленина и Арманд указанным выше Иваном Поповым. Беседа эта состоялась в 1953 году. Попов поведал: “Моя жизнь была связана с Инессой очень сильно,

я бы сказал, кровно, насмерть. В определенный период нашей жизни, в 1916 году, мы вместе с ней пришли к выводу, что наши взгляды на революцию требуют пересмотра.

Мы ни с кем не говорили, только друг с другом, но оба пришли к тому, что Ленин слишком категоричен в суждениях, слишком далеко идет. Оба считали, что Отечество нужно защищать. Тогда Инесса напомнила мне про ленинскую месть Романовым за брата и предположила, что в его отношении к самодержавию много личного.

Мы долго говорили с ней. Она решила, что напишет Ленину о своих сомнениях.

Написала, получила ответ, после которого сказала мне: “Уходи, Жан, уходи и не оглядывайся. Ты молод, слабоват характером, поэтичен. Вся эта жизнь не для тебя. Пиши книги и люби жизнь, если сможешь. А мне отступать некуда. Я под его гипнозом навсегда. Мне нельзя иначе. Если отступлюсь, значит все мои жертвы были напрасны и жизнь прошла зря”. Впрочем, уже к моменту начала первой мировой войны И. Попов начал отходить от революционной деятельности. А Инесса осталась верным помощником Ленина, хотя и проявляла порою своеволие.

После начала войны, как вспоминала Крупская, осенью 1914 года в эмиграции в Берне она и Владимир Ильич “жили на Дистельвег — маленькой, чистенькой, тихой улочке, примыкавшей к бернскому лесу, тянувшемуся на несколько километров. Наискосок от нас жила Инесса, в пяти минутах ходьбы — Зиновьевы, в десяти минутах — Шкловские. Мы часами бродили по лесным дорогам, усеянным осыпавшимися желтыми листьями. Большею частью ходили втроем — Владимир Ильич и мы с Инессой. Владимир Ильич развивал свои планы борьбы по международной линии. Инесса все это горячо принимала к сердцу. В этой развертывавшейся борьбе она стала принимать самое непосредственное участие: вела переписку, переводила на французский и английский языки разные наши документы, подбирала материалы, говорила с людьми и пр. Иногда мы часами сидели на солнечном откосе горы, покрытой кустарниками. Ильич набрасывал конспекты своих речей и статей, оттачивал формулировки, я изучала по Туссену итальянский язык. Инесса шила какую-то юбку и грелась с наслаждением на

осеннем солнышке — она еще не до конца оправилась после тюрьмы”.

Далее Крупская свидетельствовала: “Тем временем шла подготовка международной женской конференции. Важно было, конечно, не только то, чтобы такая конференция состоялась, но и то, чтобы она не носила пацифистского характера, а заняла определенно революционную позицию. Нужна была поэтому очень большая предварительная работа. Она легла главным образом на Инессу. Помогая редакции ЦО в переводе всяких документов, будучи участницей развертывающейся борьбы с оборончеством с первых же шагов ее, Инесса была как нельзя лучше подготовлена к этой работе. Кроме того она знала языки. Инесса переписывается с Кларой Цеткин, Балабановой, Коллонтай, англичанками, крепит первые нити международной связи. Нити до невероятности слабы, постоянно рвутся, но вновь и вновь начинает Инесса работу... Остался в памяти такой момент: сидим мы с Инессой в больнице у Абрама Сковно, которому делали какую-то операцию. Приходит Ильич и начинает убеждать Инессу немедленно пойти к Цеткин, убедить ее в правильности нашей позиции, она ведь должна понять, не может не понять, что в данный момент нельзя скатываться к пацифизму, надо заострить все вопросы. И Ильич приводит все новые и новые аргументы, которые должны убедить Цеткин. Инессе не хотелось идти, она считала, что из разговора ничего не выйдет. Ильич настаивал, и такая горячая просьба звучала в его словах...”

И летом 1915 года — снова вместе на швейцарском курорте в Зеренберге. Крупская вспоминает: “В Зеренберге заниматься было очень хорошо. Через некоторое время к нам туда приехала Инесса. Вставали рано и до обеда, который давался, как во всей Швейцарии, в 12 часов, занимался каждый из нас в своем углу в саду. Инесса часто играла в эти часы на рояле, и особенно хорошо занималось под звуки доносившейся музыки. После обеда уходили иногда на весь день в горы”.

После смерти Ленина политбюро ЦК большевистской партии приняло постановление, требовавшее от партийцев, которые хранили письма, записки, обращения к ним вождя, передать их в архив Центрального Комитета, т.е. с 1929 года практически в полное распоряжение Сталина.

Только в мае 1939 года, сразу же после смерти Крупской, старшая дочь Инессы Инна Арманд передала письма вождя к ее матери (многие с оторванными началом и концом) директору института Маркса-Энгельса-Ленина. Думаю, что сделать эту акцию ранее, при жизни вдовы вождя, любившая ее Инна Арманд считала неэтичным.

Характерно, что впервые три тщательно отобранных письма Ленина к Арманд были опубликованы в 1939 году. Лишь через 10 лет, в 1949 году журнал “Большевик” напечатал другие письма. И только в 1951 году — в 35-м томе четвертого издания сочинений — публикуются некоторые письма вождя, которые свидетельствуют, что Ленин и Инесса были столь близки, что до мировой войны обращались друг к другу на “ты”. Можно отметить, что Ленин не любил амишонства и на “ты” обращался только к членам своей семьи, не считая нескольких ранних писем к друзьям юности Л.Мартову и Г.Кржижановскому.

Эпистолярное наследие вождя, в том числе и письма к Инессе Федоровне, представляют большой исторический интерес.

Хронологически два первых письма Ленина к Инессе Арманд, опубликованных в “полном” собрании сочинений, определены второй половиной декабря 1913 года (но без точной даты), спустя несколько недель после “проведенного” им “расставания”. Многие опубликованные письма начинаются с отточий, со ссылками: “начало письма не разыскано”, “рукопись имеется только с 3-й страницы”. Отсутствуют также заключительные фразы ряда писем.

В годы мировой войны Ленин не написал никому так много писем, как Инессе Арманд. Но составители 48-го и 49-го томов “полного” собрания сочинений сделали многочисленные купюры, порою с отточиями, порою без них, так что часть опубликованных ленинских писем к Арманд следует считать фальсификацией.

Письма Ленина к Арманд, прежде всего официально не опубликованные, а также купюры в опубликованных, представляют особый интерес. Вождь здесь очень откровенен, порою несдержан к соратникам по партии. В этих письмах и изъятых из публикаций абзацах порою просматривается интимная близость Владимира Ильича и Инессы, хотя ни-

чего принципиально нового в отношениях между ними, на что надеялся директор Центрального музея В.И. Ленина Мельниченко, не открылось.

Имеет смысл проанализировать письма Ленина в хронологическом порядке — вначале довоенного периода, затем — военного, и, наконец, послеоктябрьского. Так, в начале одного из первых сохранившихся писем — от 28 января 1914 г. — изъято окончание предложения: *“...если ты думала, что я тебя “утешал” мыслью о Париже, то это неверно”*. Судя по контексту письма, Ленин уговаривал Инессу обосноваться во французской столице, мотивируя важностью ее пребывания там для налаживания издательской деятельности большевиков.

27 февраля 1914 года Ленин направил Арманд в Париж телеграмму: *“Прошу известий, крайне встревожен”*. В письме, отправленном во второй половине марта в Париж, купировано начало опубликованной части письма, относящееся, скорее всего, к украинским эмигрантам, *“которые теперь проповедуют — дурачье и сволочь! — федерацию национальных с[оциал] д[емократических] партий в России. Алек[синск]ий и Луна[чарск]ий влияют на них”*. Обратим внимание на исключительно теплый тон обращений Ленина к Инессе начала 1914 года: *“Дорогой друг! Ужасно рад твоему дружескому, милому, хорошему, теплomu письму. Благодарен тебе за него несказанно”*, — начинает Ленин свое письмо к Арманд 26 января 1914 г. И заканчивает: *“Крепко, крепко, крепко жму руку, мой дорогой друг”* (48; 254, 255). А письмо от 11 апреля этого же года заканчивается: *“Ужасно рад, что к тебе едут дети и что ты с ними скоро двинешь на лето. Крепко, крепко жму руку. Твой В.У.”* (48; 281).

Среди множества прочих заданий — Ленин просит Инессу в начале июля 1914 года съездить в Брюссель и выступить там от имени большевиков с докладом на организованном Международным социалистическим бюро II Интернационала совещании левых российских партий и организаций: *“Надо очень спешить!! Согласись, право! Хорошо встряхнешься и делу принесешь пользу!!”* (48; 298). *“Конечно, кроме прекрасного французского нужно понимание сути дела и такт. Кроме тебя никого нет, посему прошу, изо всех сил прошу согласиться хотя бы на день”*.

Настаивая на поездке Инессы в Брюссель, Ленин писал ей: “Надя думает, что твои старшие дети уже приехали и ты легко сможешь на 3 дня оставить их (или взять Андриюшу с собой). На случай, что старшие не приехали и что оставить детей на 3 дня **абсолютно** невозможно, — я предлагаю: поехать тебе **на один день** (16-ое, **даже на полдня**, для прочтения доклада), либо оставив детей на день, либо даже выписав на этот день К-вич, ежели крайность требует. (Расходы оплатим)” (48; 300, 301).

6 июля 1914 г. Ленин делает приписку к письму Крупской к Арманд: “Жду ответа и согласия с нетерпением...” Через день он получит ответную телеграмму Инессы о согласии войти в состав делегации ЦК РСДРП на Брюссельском совещании. Задача перед Инессой Федоровной была поставлена нелегкая — доказать зарубежным социал-демократам, что большевики — единственная рабочая партия в России. Это было особенно важно вождю для получения спорных “держательских” денег.

Ленин наказывал Инессе Федоровне: “Гвоздь, по-моему, — доказать, что только мы партия (там блок-фикция или группки), только мы рабочая (там буржуазия, дающая деньги и одобряющая), “только мы **большинство**, 4/5)”. Арманд сомневалась в своих возможностях — и в этом же письме вождь ее успокаивал: “...упорно не верю пессимистам, т.е. говорящим, что ты... едва ли... Вздор и вздор! Не верю! Превосходно ты сладишь! Прекрасным языком твердо их всех расшибешь, а Вандервельде не позволишь обрывать и кричать” (48; 307, 308). За 4 дня — между 13 и 16 июля — Ленин получил от Арманд еще три телеграммы — о получении доклада большевиков Брюссельскому совещанию, о выезде ее в Брюссель.

Ленин подробно ее инструктирует — характерно начало письма, посланного через несколько дней: “Дорогой друг! Я чрезвычайно тебе благодарен за твое согласие. Я просто уверен, что ты превосходно выполнишь твою важную роль и дашь достойный ответ Плеханову, Розе Люксембург и Каутскому и Рубановичу (наглец!), которые едут в Брюссель в надежде устроить демонстрацию против нас вообще и против меня в частности.

Ты с делом достаточно хорошо знакома, говоришь хорошо, и я уверен, что теперь сможешь быть достаточно “на-

хальна”. Пожалуйста, не истолкуй “в плохую сторону”, если и даю тебе кое-какие частные советы для облегчения твоей тяжелой задачи. Плеханов любит “смущать” товарищей говоря им “вдруг” галантности (по-французски и т.п.). Надо быть готовым к этому для быстрого ответа — и пожалуйста, товарищ Плеханов, вы поистине старый волокита (или галантный кавалер) — или что-либо в этом роде, чтобы не жаливо **отбрить** его. Ты должна знать, что все будут очень злиться (я очень рад), увидев, что я отсутствую, и, вероятно, захотят отомстить тебе. Но я уверен, что ты покажешь свои “ноготки” наилучшим образом. Заранее восторгаюсь при мысли, как они нарвутся публично, встретив холодный, спокойный и немного презрительный отпор”.

Далее Ильич учит Инессу, как “обрезать сразу” Плеханова, который любит “задавать вопросы”, издеваясь над вопрошаемым. “Все время занимать наступательную позицию, — считал Ленин, — это самый лучший прием с нахалами. Они трусы и сразу осядут, осекутся” (48; 314-315).

Не все дела шли гладко несколькими месяцами раньше при подготовке Брюссельского совещания, для которого Ленин написал доклад, отдав его Попову для перевода на французский язык и передачи руководителю МСБ К. Гюисмансу, после чего уехал из Брюсселя. Проходили недели, а Попов все никак не мог выискать времени, чтобы приступить к переводу. 2 марта 1914 г. Ильич писал Арманд: “Не знаешь ли, что с Поповым в Брюсселе? Он не отвечает мне **2-3 недели(!)** на **спешные и важные** письма. А он мне нужен! Не заболел ли? Или его “история”, love-story (любовная история — *А.Л.*), что-либо с ним сделала, выгнала его из Брюсселя и т.п.? Если ничего не знаешь, то, пожалуйста, сделай так: подожди два дня; если за это время не будет от меня иной вести, напиши в Брюссель **через других знакомых** ему и об нем, чтобы я **навверное** узнал, в чем дело. Нечто невероятное и невозможное! Если знаешь что-либо о нем, черкни мне тотчас” (48; 267).

Но Попов не подавал признаков жизни, о чем свидетельствует следующее впервые опубликованное мною письмо Ленина к Арманд:

“Воскресенье. 8/III-1914.

Дорогой друг! Ты отвечаешь на мое грустное письмо, а я совершенно забыл, как, что, когда я писал — вот неудобство переписки чересчур издалека.

Ну, буду продолжать беседу вообще, несмотря на этот перерыв.

Вчера взбесило меня нахальнейшее письмо Гюисманса, коему Попов до сих пор не доставил доклада!! А обещал сделать это 4/II (2/II я уезжал из Брюсселя и из кафе — помнишь? Не знаешь ли названия кафе? Около Care du Nord) — писал об этом Гюисмансу. (Кафе “Космополит” близ Северного вокзала. — А.Л.).

Послал бешеное заказное с обратной распиской письмо этому мерзавцу Попову: занимайся, дьявол тебя бери, какими хочешь любовью и болезнями, но, если взял партийное обязательство, то выполняй или вовремя передай другому. Написал также Карлсону. А Гюисмансу ответил, что его выражения оскорбительны, что он не имеет никакого права их употреблять и если он не откажется формально от них, то это будет последнее письмо, которое я ему пишу!

Сволочь Попов — выставил меня обманщиком перед Гюисмансом...

Из Москвы почти нет вестей. Московского Комитета, кажись, нет. Областники работают недурно, но темп медленный. Теперь еще плехановцы +1 “наш” литератор ставят нам профессиональный орган. Боимся (entre nous) (между нами (фр.) — А.Л.), чтобы нашего не обошли.

Выйдет ли “Работница” после ареста, не знаем”.

Сверху на английском языке — конспиративная приписка: “Никаких новостей от “Брата”! Если Вы ему напишите, спросите о письмах и новостях и информируйте меня. Спросите его, имел ли он конфликт “с прекрасной, но глупой женщиной” перед ее смертью”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.3221).

Впрочем, Попов и Арманд в конце концов справились с поручением Ленина — о чем довольный Ильич писал последней: “Вы с Поповым отлично отбрили Гюисманса. Так ему и надо” (48; 324).

Ленин в середине июля 1914 года многократно благодарил Инессу за успех в Брюсселе: “Дорогой друг!.. Я в высшей степени рад за тебя и благодарен, что ты меня освободила от моих обязанностей в Брюсселе (Мартов в Брюсселе.

Твоя задача очень трудная, но крайне важная). Я тебе очень и очень благодарен за твою работу, столь неприятную и столь искусную” (48; 318). В письме от 19 июля 1914 г.: “Ты лучше провела дело, чем это мог бы сделать я. Помимо языка, я бы **взорвался**, наверное. Не стерпел бы комедиантства и обозвал бы их подлецами. **А им только того и надо было** — на это они и провоцировали. У вас же и у тебя вышло спокойно и твердо. Чрезвычайно благодарен и приветствую тебя” (48; 323). В тот же день в другом письме: “Я послал твоему сыну 150 фр. Вероятно, это слишком мало? Пожалуйста, дай мне знать немедленно, насколько больше ты израсходовала. Я тотчас вышлю” (48; 324).

Обратимся к письмам Ленина к Арманд довоенного периода, впервые мною опубликованным (“Я так любила... смотреть на тебя”, “Российская газета”, 18 и 19 января 1994 г.). Вот три никогда не публиковавшиеся письма Ленина к Арманд из Поронино, затрагивающие запутанное и на сегодняшний день “дело Малиновского” — от 7 июня, 25 июня и 25 июля 1914 г.:

Первое — в основном на английском языке:

“Дорогой друг! Я в настоящее время всецело занят и измучился с этой самой историей с Малиновским. Он здесь и его очень тяжело видеть — в таком он плохом настроении и беспомощен теперь. А ликвидаторы экспромтом продолжают их позорную кампанию шантажа. Посылают телеграммы, полные мелких несурaziц и непрекращающихся сплетен.

По обыкновению, он очень добр, в высшей степени любезен, но, как исключение, у него бывает время от времени перелом в настроении в течение всей недели. Ликвидаторы опубликовали (если мы правильно поняли известную телеграмму), что мы знаем о слухах насчет политической нечестности Малиновского!!

Действительно, мы их слышали от венцев (ликвидаторов), кои болтали — но мы, конечно, отбросили их, внося в колл[егию] из 3-х чл[енов] ЦК. А ликвидато]ры! Кому внесли??

Ну, рабочие уже задали и зададут грязным клеветникам!

Посылаем тебе нов[ую] газету.

Если возможно, не злись на меня. Я возложил на вас большую работу, я это знаю...

Ваш преданный В.Л[енин]

После вашего отъезда из Парижа — ничего не добьешься там! Ну и люди!!” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.3281).

Второе письмо — на английском и русском языках:

“Дорогой друг!

Мы прибыли сюда — два члена — на так называемый парламент. Если ты в чем-нибудь нуждаешься, пожалуйста, напиши сейчас же. До чего довели подлецы ликв[идато]ры М[алинов]с[к]ого: сегодня он получил письмо от жены. Младший сын, — пишет она про 5-6 летнего мальчика, — скрывая от меня, сказал старшему, что про отца ходят дурные слухи!!

Да, предела нет мерзости, на которую идет буржуазная интеллигенция из ненависти к рабочему движению!

У нас отчаянная погода: льет и льет неделями без перерыва! Не будь работы, с ума бы сошли.

Как-то у тебя? Есть ли малярия? Ежели хоть малейшая опасность ее, разумнее бы всего было уехать, благо пансион не связывает.

Константин и Абрам тоже хотят. Чудесно! Поддержися в этом плане!

В делегации в Вене будет Донской с женой. Хороший чел[ове]к, тоже зря оклеветанный. Вандервельд поместил в обозрении в “Юманите” ч[то] де наши расхождения “опасны” (!!), но не дал данные о тираже газет!!

Крепко, оч[ень] крепко, оч[ень] и оч[ень] крепко жму руку. Твой В.У[льянов]

Готовишься ли ты систематически к Вен[скому] Конг[рессу]? Оч[ень] прошу делать это исподволь и серьезно! Черкни!” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.3290).

И, наконец, третье письмо, на английском языке — неожиданное тем, что Ленин в обращении к Инессе переходит на “вы”.

“Мой дорогой и самый дорогой друг!

Наилучшие приветствия в связи с приближающейся революцией в России!

Мы имеем кой-какие вести. Очень хотелось бы знать больше того, что сообщают телеграммы, о том, что там творится!!

Ныне в большом городе лучше, чем в деревушке в Галиции. На события ответом является — вопрос войны между Австрией и Сербией... Идиотская Брюссельская конференция мо-

жет быть забыта в такое время. (Я понимаю, что ликвидаторы + Плеханов и другие каналы приготовят общий манифест. Польские предатели, оппозиция, не захотят его подписывать!! Начало разложения в новом “третье-июльском блоке”!!).

Завтра я жду здесь товарища, которого вы видели в Брюсселе в Латышской партии.

Это лето в высшей степени несчастливо: во-первых, “дело” Малиновского, затем конференция в Брюсселе. Новое большинство неизвестных на большом митинге нашей партии выразило желание, чтобы почаще повторялись события в СПб.

Здесь в высшей степени неприятная “история” с глупой солдатской женой. Она здесь с армией и двумя новыми товарищами: 1) молодой человек с седыми волосами, которого Вы видели в первый раз в России, после, в 1912 г., был левым в Кракове — прежний издатель нашего научного журнала. Оба были друзьями солдатской жены. Оба ненавидели Малиновского и повторяли: “жена”... “убеждена”, что он — агент-provokator!!

Мы, при нашем положении в обществе, как представители комиссии по расследованию, потеряли много лет для выслушивания “данных”, служащих “доказательством” по поводу солдатской жены. Глупые сплетни, истерия — ничего серьезного. Она обвиняет нас в пристрастности (по отношению к Малиновскому)!! Очная ставка ее с Малиновским. Она поругана — она смешала личные интересы “интимности” с политикой. Малиновский упоминал здесь об интимных беседах. Теперь пришли “втроем” (солдатская жена и два друга) и почти требовали дуэли с Малиновским и т.д. и т.д.

О, что за убожество! Эти истеричные глупые создания, я не перестаю злиться!! Терять время из-за ничтожных глупых историй!!

Весьма вам преданный, я надеюсь, что вы не злитесь на меня, мой дорогой друг?

Ваш В.Л.

В нашей столице “осадное положение”. Много газет закрыто. Многочисленные аресты. Собратья по борьбе, очевидно, уцелели, так как получил сообщение из Финляндии с намеком, что собратья там невредимы. Но это только предположение. Ничего нет определенного”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.3341).

Составители 48 тома в ленинском письме от 19 июля 1914 г. заменили обращение “Мой дорогой и самый дорогой друг” на “Мой дорогой друг”. А в конце письма изъяли абзац: “Здесь солдатская жена и ее новый любовник. Это и в “армии” в высшей степени глупо. Как-нибудь потом я хочу тебе рассказать, почему”.

Звучит это как сплетня по отношению к большевичке Елене Размирович (“глупой солдатской жене”), которую Ленин рьяно громил за разоблачение провокаторства Малиновского. Ошибалась Крупская, утверждая, будто Ленин, “ничего так не презирал, как всяческие пересуды, вмешательство в чужую личную жизнь. Он считал такое вмешательство недопустимым”. После октябрьского переворота Е.Размирович возглавит следственную комиссию Ревтрибунала при ВЦИК. И вождь сменит гнев в ее адрес на милость, высоко оценивая деятельность “глупой солдатской жены” даже в довоенные годы. 7 апреля 1921 г. он направляет в оргбюро ЦК РКП(б) записку: “Вполне присоединяюсь и усердно ходатайствую о резолюции, **обязывающей Е.Ф.Размирович** отправиться в Германию именно с этой группой. Свидетельствую, по опыту **лично моему и ЦК 1912 — 1913** годов, что работник это очень крупный и ценный для партии. Болезнь тяжелая, едва ли излечимая в России.” А накануне Ленин писал со свойственным ему мрачным юмором А. Цюрупе: “Не “захватите” ли в Германию Елену Федоровну Размирович? Николай Васильевич Крыленко очень обеспокоен ее болезнью. Здесь вылечиться трудно. А немцы выправят... По-моему, надо бы ее арестовать и по этапу выслать в Германию в санаторий” (52; 132, 133). Е. Размирович была замужем за председателем Ревтрибунала Н.Крыленко, ее непосредственным начальником, и семейная парочка отправляла на смерть множество ни в чем не повинных людей.

Что касается безоглядной защиты вождем провокатора Р.Малиновского, то я неоднократно обращался к этой теме, впервые опубликовал четыре письма Ленина в “Правду” в защиту провокатора (“Ленин знал, что Малиновский — уголовный преступник”, “Российское время”, №№ 8-9, 1993 г., “Почему Ленин яростно защищал провокатора?”, “Куранты”, 13 августа 1993 г.). Много опубликовано неизвестных

ранее документов по этой теме — но тайна взаимоотношений Ленина и Малиновского все еще полностью не раскрыта.

Еще один пример ленинского стиля из впервые опубликованного мною письма к Арманд от 20 июля 1914 г.: *“Предали сволочь поляки (оппозиция) явно из-за Малецкого (его речь подла!!). Подлые поляки оппозиция перетянула и “слабого” (дурачка) литовца”*; *“дурак я был, что советовал смягчить против этого мерзавца Плеханова!!”* (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.3335). Впрочем, грубая ругань Ленина по отношению к крупнейшим деятелям международного рабочего движения содержится и в официально опубликованных письмах к Арманд, например, в одном из последних перед началом мировой войны: *“Было бы очень хорошо, если бы ты завязала переписку с Каутским (он личность подлая, совершенно без характера, поддающийся влияниям, постоянно меняющий позицию согласно тайным побуждениям и настроенный против меня из-за “истории с деньгами”: особенно подло выступать в качестве “беспристрастного” или играть роль “беспристрастного”, будучи пристрастным и обозленным главным образом против меня после личной ссоры со мной из-за денег. Подло!)”*. И далее: *“Если ты хочешь... я помогу тебе приватно приготовить письмо для Каутского. Но теперь очень трудно парализовать подлые интриги и Каутский является жертвой интриг со стороны Розы Люксембург, Плеханова и К°. Плеханов подлеиший перебежчик, как всегда. Видела мои удары ему в “Рабочем” № 7 и в “Просвещении” № 6?.. Ваше поведение на конференции было правильное и вы оказали большую услугу партии. Попов пишет мне, что ты была больна. Твой голос был очень слабый. Что у тебя за болезнь? Пожалуйста, пиши подробнее! Иначе я не могу быть спокойным. Сердечно приветствую тебя и шлю наилучшие пожелания. Желаю здоровья и спокойствия. Твой В.И.”* (48; 325, 326).

Началу мировой войны вождь был рад — еще в январе 1913 года он писал М.Горькому: *“Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятно, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие”* (48; 155).

Многочисленные письма Ленина к Арманд военного периода собраны в 49-м томе “полного” собрания сочинений. Вскоре после начала войны вождь проявляет беспокойство по поводу здоровья, устройства Инессы, которая, как и он, оказалась в Швейцарии. В письме, написанном во второй половине сентября 1914 года, Ленин беспокоится: “Надеюсь, что мы скоро встретимся. Как Вы думаете?.. Гуляете ли Вы? Лучше ли Вы теперь питаетесь? Есть ли у Вас книги? газеты?” (49; 7). Вождь неоднократно запрашивал о зубном враче: “Отчего ни слова не пишете о том, когда назначил Ваш дантист срок излечения? Или хоть приблизительно?” “Почему не пишете, что Вам говорит дантист? Когда приедете?” (49; 78, 80).

Конечно, большую часть текстов писем к Арманд составляли поручения и советы вождя. Н.Валентинов высказал предположение, что отвергнутая Лениным Инесса, подсознательно желая вызвать у него ревность, присылает ему план брошюры о женском вопросе, в котором звучит требование “свободы любви”. В письме от 17 января 1915 г. Ленин советует это требование выкинуть как “не пролетарское, а буржуазное требование”. По его мнению, дело не в том, что понимает Арманд под “свободой любви”: “дело в **объективной логике** классовых отношений в делах любви” (49; 51-52). Инесса, судя по ленинскому письму от 24 января 1915 г., высказывает несогласие, не понимает, “как **можно** (так и написано!) **отождествлять** (!!??) свободу любви” со свободой адюльтера. Тезис Ленина: “буржуазки” понимают под свободой любви свободу “от серьезного в любви”, “от деторождения”, свободу адюльтера. И у Ленина отличный от Арманд взгляд на эту проблему. “...Вы, совершенно забыв объективную и классовую точку зрения, переходите в “атаку” на **меня**”.., — жалуется он. И далее: “Даже мимолетная страсть и связь” “поэтичнее и чище”, чем “поцелуи без любви” (пошлых и пошленьких) супругов. Так Вы пишете. И так собираетесь писать в брошюре. Прекрасно. Логичное ли противопоставление? Поцелуи без любви у пошлых супругов **грязны**. Согласен. Им надо противопоставить... что?.. Казалось бы: поцелуи с **любовью**? А Вы противопоставляете “мимолетную” (почему мимолетную?) “страсть” (почему не любовь?) — выходит, по логике, будто поцелуи без любви

(мимолетные) противопоставляются поцелуям без любви супружеским... Странно. Для популярной брошюры не лучше ли противопоставить мещански-интеллигентски-крестьянский... пошлый и грязный брак без любви — пролетарскому гражданскому браку с любовью (с добавлением, если уж непременно хотите, что и мимолетная связь — страсть может быть грязная, может быть и чистая)” (49; 55-56).

В самом начале 1916 года Арманд по поручению Ленина на несколько месяцев переезжает в Париж для революционной работы с французскими социалистами и синдикалистами. Глубокое чувство к Арманд у Ленина сохранялось — о чем говорят письма:

В письме от 15 января 1916 г.: “Дивлюсь немного, что нет от Вас вестей. Покаюсь уже заодно: у меня, грешным делом, мелькает мысль — не “обиделись” ли уже Вы, чего доброго, на то, что я не пришел Вас проводить в день отъезда? Каюсь, каюсь и отрекаюсь от этих мыслей, я уже прогнал их прочь” (49; 174).

От 19 января: “Как Вы себя чувствуете? Довольны ли Вы? Не скучаете ли Вы? Заняты ли Вы очень? Вы мне причиняете много огорчений, лишая меня совершенно вестей о себе!.. Где Вы живете? Где кушаете? В “буфете” Национальной библиотеки? Еще раз прошу писем “до востребования”.

Преданный Вам Ваш Базиль.

P.S. Еще раз, ничего! Нет писем от Вас” (49; 175-176).

Обратим внимание — “до востребования”, “Ваш Базиль”.
Конспирация!

Письма Ленина к Арманд весны 1916 года не вошли в “полное” собрание сочинений. Видимо, в это время Инесса проявляла определенное “своеволие”.

Так, письмо к ней Ленина от 19 марта 1916 г. начинается с выяснения отношений: “Дорогой друг! Сегодня получили Вашу сердитейшую открытку и на нее ответили (вернее, не только на нее) длинным письмом. Не следует все же, даже и в сердцах, писать грубые слова вроде “нагорожено” (в письмах): это не располагает к продолжению переписки”. В эти же дни вождь запрашивал Зиновьева: “Не лучше ли попытаться кого-либо послать в Россию? ...Инессу? Тоже хорошо бы, но она не поедет”. (Лен. сб. XXXVII, стр. 38, 39).

А 7 апреля вождь, отдохавший вместе с женою в горном санатории “Чудивизе” недалеко от Цюриха, писал Арманд, собиравшейся вернуться из Парижа в Швейцарию: “Дорогой друг! Удивляемся и беспокоимся по случаю отсутствия вестей от Вас. 25/III посланы Вам деньги, а также и книга. От Вас, вопреки обыкновению, ни звука. Разве под конец чересчур усердно работаете над диссертацией? Желая от души успеха, но все же не надо зарабатывать до переутомления. Черкните пару слов. Лучшие приветы и пожелания от обоих. Ваш Ленин.” (Лен. сб. XL, стр. 49-50).

Вернувшись в Швейцарию, Инесса лето проводит в Берне, а осень — в санаторном отеле горной деревушки Зеренберг, где они втроем — Ленин, Крупская и Арманд — жили многие месяцы летом и осенью 1915 года.

Переписка Ленина и Инессы очень интенсивна, касается многих проблем рабочего движения России и Франции, Швейцарии и Скандинавии. Арманд как никогда часто выполняет просьбы вождя о переводе на французский язык его речей и статей.

В июне 1916 года Ленин пишет Инессе: “...было бы для дела архиполезно, если бы Вы могли провести несколько месяцев в Швеции или Норвегии” (49; 245).

В последующих письмах, не вошедших в “полное” собрание сочинений, Ленин подробно инструктирует Арманд — как нужно оформить документы. Он советует убедить германских консульских работников в Берне, что ей известны правила разрешения проезда через Германию: “Возможно, что мерзавцы испугаются, что Вы знаете порядок, и ответят”. (Лен. сб. XXXVII, стр.53). Непонятно — почему вождь считал консульских чиновников мерзавцами?

Ленин проявляет постоянную заботу о здоровье Арманд. 25 июля 1916 г.: “Жму руку и советую и прошу **лечиться**, чтобы к зиме быть **вполне** здоровой. Поезжайте на юг, на солнце!!” (49; 268). Письмо от 25 октября 1916 г. кончается следующим обращением: “...**Не** сидите в Зеренберге: замерзните и простудитесь. Всяческие приветы! Ваш Ленин.

P.S. Может, у Вас нет денег на проезд? Пишите непременно: мы легко достанем, сколько надо...” (49; 311). Впрочем, в другом письме вождь называет другую причину жела-

тельности переезда Арманд: "... времени мало, а почтовые сношения с Зеренбергом очень плохи" (49; 315).

Предложение денег "сколько надо" контрастирует с жалобами Ленина в эти же дни Шляпникову: "О себе лично скажу, что заработок нужен. Иначе прямо поколевать, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем. Надо вытащить **силком** деньги от издателя "Летописи", коему посланы две мои брошюры (пусть платит; **тотчас** и побольше!)... То же — насчет **переводов**. Если не наладить этого, то я, ей-ей, не продержусь, это вполне серьезно, вполне, вполне" (49; 302).

В письмах к Арманд Ленин по-прежнему несдержан в оценках. Так, в одном из писем начала февраля 1916 года он бранился: "Если Маша оказалась такой, то я лично очень рад, что эта сука отказалась идти в наш журнал". Или: "На такое говно, как Мергейм, не стоит тратить много времени: ясно, что безнадежно". (Лен. сб. XXXVII, с.35).

Резкий тон своих критических выпадов Ленин объясняет в письме Арманд от 30 ноября 1916 г.: "Извиняюсь за длинное письмо и за обилие резких слов: не могу писать иначе, когда говорю откровенно. Ну, это ведь все *entre nous*, сойдет, чай, и лишняя ругань. Лучшие приветы! Ваш Ленин".

В этом письме Ленин необузданно нападал на Карла Радека, который, по его словам, "держит себя в политике как тышкинский торгаш, наглый, нахальный, глупый". "Кто **прощает** такие вещи в политике, того я считаю дураком или негодяем. **Я их никогда не прощу**". "За это бьют по морде или отворачиваются". "Если Радек **не** понимал, **что** он делает, тогда он дурачок. Если понимал, тогда мерзавец", и т.д. Здесь же Ильич называл Г. Пятакова "поросеночком", у которого "ни капли мозгов". И обещал ему и его сторонникам: "Я вам набью морду и ошельмую вас, как дурачков, перед всем светом" (49; 328-334).

Нагляден пример фальсификации советских изданий. В этом же 49-м томе в письме к Зиновьеву в марте 1916 года перед фразой "Радек ведет себя так подло" без всяких отточий изъята ленинская фраза о том, что польская "Газета Роботнича" "так пошла и подла". А в письме к тому же адресату от 20 марта 1916 г. в начале фразы "Радеку дайте" также

без всяких отточий изъято “(если Вы хотите еще иметь с этой сволочью дело)”.

В декабре 1916 года вождь загорается мыслью — поставить не умеющую ходить на лыжах Инессу “на горные лыжи”: “Ходите ли на лыжах? Непременно советую: архиполезно. Гуляйте по горам на лыжах”... ”А на лыжах катаетесь? Непременно катайтесь! Научитесь, заведите лыжи и по горам — обязательно.” (49; 339, 341).

15 января 1917 года Ленин пишет Арманд: “...ужасно мне хотелось бы, чтобы Вы лучше встряхнулись, переменили воздух, побывали среди новых и старых друзей, ужасно бы хотелось сказать Вам побольше дружеских слов, чтобы Вам полегче было, пока не наладитесь на работу, захватывающую целиком. Жму крепко руку. Ваш Ленин” (49; 366).

И свидетельство абсолютного доверия — в письме на следующий день, 16 января: “Дорогой друг! Если Швейцария будет втянута в войну, французы тотчас займут Женеву. Тогда быть в Женеве — значит быть во Франции и отсюда иметь сношения с Россией. Поэтому **партийную** кассу я думаю сдать Вам (чтобы Вы носили ее на себе, в мешочке, сшитом для сего, ибо из банка не выдадут во время войны). Пишу об этом Григорию. Это только планы, пока между нами. Я думаю, что мы останемся в Цюрихе, что война невероятна. Лучшие приветы и рукопожатие! Ваш Ленин” (49; 367).

26 февраля и 31 марта 1916 г. Ленин, ратующий за поражение царского правительства, радуется французенку Арманд успехами Франции, союзницы России, в войне с Германией:

“Дорогой друг! Я знаю, что Вы интересуетесь наукой, а не политикой. Но все же симпатии Ваши, я не сомневаюсь в этом, на стороне Франции. Раскол среди немецких социалистов, как заявил один французский министр, не безразличен для Франции. Поэтому надо помочь информировать об этом и французов и русских... Наука для Вас все, но немножко симпатии к Франции, даже **много** симпатии, — у Вас, конечно, есть!”

“Дорогой друг! Сейчас получили Вашу открытку; очень спешу ответить: почту закрывают. Вы не очень довольны “ватагой” друзей самоварчика, а “ватага” этих ребят в вос-

торге от Вас: так пишет нам самоварчик с их слов. Поздравляю от души с успехом и желаю такого же и еще большего впредь. Политикой Вы не интересуетесь, но все же сочувствуете Франции: мы имеем превосходные сведения о расколе среди немецких социалистов и о ходе дел среди “Интернациональных социалистов Германии”. Эта весть в пользу Франции...” (49; 186, 209).

Но все-таки тот факт, что родившаяся во Франции Арманд жаждала поражения в войне Германии, а не России (а с ней, и Франции), за что боролся Ленин, не радовал вождя, и он в самом конце 1916 года писал Инессе: “Насчет защиты отечества. Мне было бы архинеприятно, если бы мы разошлись. Попробуем еще спеваться” (49; 344). В конце концов Арманд уступала.

Вот два впервые опубликованных мной ленинских письма к Арманд: в Берн от 6 июля и в Зеренберг от 26 ноября 1916 г.

Первое: *“Дорогой друг! Надя рассказала мне о неприятностях, возникших в Берне и падающих также и на Вас. Если позволите дать совет: обращайтесь на них, пожалуйста, как можно меньше внимания. Право же, перемелется — мука будет. Очень рад Вашему плану переменить на лето воздух, на время, — только (еще раз: если позволите дать совет) не выбирайте Sor[en]berg, а новое место с новыми людьми, чтобы встряхнуться.*

Крепко жму руку и желаю от души побольше бодрости и невнимания к бернским неприятностям. Ваш Ленин”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.4091).

И второе: *“Дорогой друг! Только что отправил Вам, так сказать, деловое письмо в ответ на Ваши замечания и мысли по поводу Вашего письма о женских организациях. Но кроме делового письма захотелось мне сказать Вам несколько дружеских слов и крепко, крепко пожать руку. Вы пишете, что у Вас даже руки и ноги пухнут от холода, это, ей-ей, ужасно. У Вас ведь и без того руки всегда были зябки. Зачем же еще доводить до этого? Вы пишете сами, что скоро уедете (я не говорю об этом, ибо Вы просили, ч[то]бы я не писал Вам своих просьб о том, чтобы Вы лучше уехали, где люди есть). Очень рад, что Вы сами собираетесь уехать, и от всей души желаю, чтобы полегче было в другом месте.*

Еще раз крепко жму руку и шлю лучшие приветы. Ваш Ленин”.

Внизу приписка Н.К.Крупской: *“Крепко тебя обнимаю”.* (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.4303).

В конце 1916 года Ленин многословно разъясняет Арманд сущность “империалистического экономизма”, соотношение между демократией и социализмом, важность “политического подхода” ко всем этим проблемам.

Очень интенсивной была переписка Ленина с Арманд в первые месяцы 1917 года — более трех десятков ленинских писем. Обращает на себя внимание такой факт: бдительные составители 49-го тома сделали купюры в 8-ми письмах Ленина к Арманд периода с 13 января по конец марта — начало апреля 1917 года. Приведем эти впервые опубликованные мною купюры. Две — в письме от 13 января.

Начало письма: *“Дорогой друг! Последние Ваши письма были так полны грусти и такие печальные думы вызывали во мне и так будили бешеные угрызения совести, ч[то] я никак не могу прийти в себя. Хочется сказать хоть что-либо дружеское и усиленно попросить Вас не сидеть почти в одиночестве, в местечке, где нет никакой общественной жизни, а поехать куда-н[и]б[у]д[ь], где можно найти новых и старых друзей, встряхнуться”.*

И конец письма: *“P.S. Насчет Троян[овск]ого. Entre n[ous] я бы желал, чтобы этот дурак набитый вылез наконец в печать или в “письм[енное] заявление”. Надоела мне эта поганая склока, тянущаяся годами! Я бы его проучил и отучил надолго!! “Поверить” негодяю Маркову 2 — подумайте, до чего это глупо!!”* (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.4365).

Напомним, что в тот период большевик А.Трояновский был мужем Е.Размирович, твердо придерживался убеждения, что Р.Малиновский — провокатор, на чем настаивал правый депутат IV Государственной думы Н.Марков (Марков 2-й).

Во втором письме, от 19 января — сразу за обращением “Дорогой друг”: *“Насчет нем[ецкого] плена” и пр. все Ваши опасения чрезмерны и несостоятельны. Опасности никакой. Мы пока остаемся здесь. Очень прошу Вас при выборе своего места жительства с соображениями о том, не поехали туда-то, не считаться. Это было бы уже нелепо, дико, смешно, если бы*

я стеснял Вас в выборе города соображением о том, не “может” ли в будущем так выйти, ч[то] и я туда **приеду!!!**” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.4389).

Абзац свидетельствует, что Арманд продолжала любить Ленина так горячо, что не в силах была находиться с ним в одном городе.

В третьем письме, написанном между 22 и 29 января — купюра: *“По-видимому, Ваш неответ на несколько моих последних писем указывает — в связи с кое-чем еще — на некоторое измененное настроение или решение или положение дела у Вас. Последнее Ваше письмо содержало в конце два раза повторенное слово — я пошел, справился. Ничего. Не знаю уже, что думать, обиделись ли Вы на что-либо или были слишком отвлечены переездом или другое что... Боюсь расспрашивать, ибо пожалуй расспросы Вам неприятны, и потому условлюсь так, что молчание Ваше по этому пункту я принимаю именно в том смысле, что расспросы Вам неприятны, и баста. Я тогда извиняюсь за них и конечно не повторяю”.* (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.4401).

В четвертом письме от 25 февраля — очередное изъятие: *“Получил от Ус[иеви]ча п[ись]мо, просит послать ему протоколы по делу Мал[инов]ского, ссылаясь на Тро[яновско]го!! Ответил ему архиругательно (не стерпел) и просил его, ч[тобы] он мое п[ись]мо и Вам показал: пожалуйста, обучите этих дурней, Ус[иеви]ча, Володю и пр., как старшая сестра учит молодых мальчишек! Жаль, ч[то] Ус[иеви]ч слушает Тр[ояновско]го и не рвет знакомства с этим мерзавцем!!”* (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.4433).

Купюра в пятом письме от 27 февраля: *“бесхребетным людям, пока они не поддались совсем влиянию негодяев а la Тр[ояновск]ий, следовало бы именно поставить своевременно ультиматум: рви с нами или рви с Тр[ояновски]ми, стыдись слушать их сплетни, с коими их даже враждебные нам газеты не пускают!”* (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.4434).

Судя по контексту, вождь защищал в очередной раз провокатора Малиновского.

Изъятие в шестом письме от 13 марта: *“Хочется поделиться впечатлением по поводу статьи Мартынова в № 10 “Известий”! Вот перл-то! Ей-ей, судьба нам этого дурака всегда посылает на помощь. Лучшей помощи против Гримма мы*

не могли бы и желать. Перл, прямо перл. Я предвкушаю удовольствие “кушать” этого болвана. Во всех отношениях он помог нам (“Послал бог дурака”): ибо мне (или нам) говорить про “колебания” Нобса и Платтена было очень неловко, неприятно... Дурак нас выручил, сам сказавши это. Прелесть!!!” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.4445).

Текст этот касался швейцарских социал-демократов Р. Гримма, Э.Нобса, Ф.Платтена.

В седьмом письме от 19 марта — в связи с попытками Ленина проехать из Швейцарии в Россию через Германию — изъято: “В такие моменты, как теперь, надо уметь быть находчивым и авантюристом. Надо бежать к немецким консулам, выдумывать личные дела и добиваться пропуска в Копенгаген, платить адвокатам цюрихским: дам 300 frs, если достанешь пропуск 4 немцев... Quant a’ moi je n’ y comprends rien, mais absolument rien...” (“Что касается меня, то я ничего не понимаю, абсолютно ничего” (фр.) — А.Л.). (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.4462).

И, наконец, купюра в восьмом письме (конец марта — начало апреля): “Надеюсь, этот старый дурень Кон (извините, стерпеть нельзя!) не собьет с толку Усиевича меньшевистскими опасениями на счет того, что скажет социал-патриотическая “княгиня Мария Алексеевна...” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.4498).

Конечно, в письмах Ленина к Арманд в первые 3 месяца 1917 года — а их известно более тридцати — представляют интерес не только цензорские “купюры”.

В основном эти письма посвящены рабочему движению Швейцарии, пропаганде революционных идей в изданиях на французском языке.

Но Ленин упорно продолжает уговаривать Арманд переменить местожительство: “Мой друг! Я знаю, как Вам ужасно тяжело и чрезвычайно хотел бы помочь всячески, чем можно. Не попробовать ли Вам пожить там, где есть друзья и где можно хронически беседовать о партийных делах, хронически участвовать в них?” “...ужасно мне хотелось бы, чтобы Вы получше встряхнулись, переменили воздух, побывали среди новых и старых друзей, ужасно бы хотелось сказать Вам побольше дружеских слов, чтобы Вам полегче было, пока не наладитесь на работу, захватывающую целиком” (49; 364, 366).

В очередной раз вождь выражает беспокойство: “Дорогой друг! Что-то давно нет от Вас ни строчки? Обещали “завтра” написать — чуть не неделю тому назад — и ни звука. Разве что-либо особое помешало? Черкните хоть пару слов, если не хочется писать, а то беспокойно что-то”. “Дорогой друг! Вы, видимо, нервничаете чересчур — этим объясняю ряд “теоретических” странностей в Ваших письмах” (49; 383, 414).

Из теоретических дискуссий можно отметить крайнее возмущение Ленина, ратовавшего за гражданскую войну в Швейцарии, “идиотским пацифизмом молодых швейцарцев. Вождь уговаривал Арманд “дать ряд публичных сражений”, в ходе которых “раскрыть весь позор пацифизма, всю пошлость его” (49; 384).

И еще — “франкофилка” Арманд не соглашалась с “германофильством” Ф. Энгельса. Ленин возражал: “Ваши нападки на Энгельса, по моему убеждению, верх неосновательности. Извините за откровенность: надо много посерьезнее подготовиться, прежде чем так писать! Иначе осрамиться легко — предупреждаю *entre nous*, по-дружески, с глазу на глаз, на случай, что Вы когда-либо в печати или на собрании так заговорите”. “Насчет цензуры, которой Вы подвергли мою французскую статью, удивлен, ей-ей. Так как Вы не прислали оригинала, да я и вообще едва ли взялся бы переводить сам на французский, то послал, конечно, по-Вашему, с пропуском места об Энгельсе. “При одной мысли, что я защищаю точку зрения Энгельса на войну и на позицию тогдашних немцев, у Вас кипит кровь и Вы не можете этого переводить...” Дда! Не ожидал!” (49; 368-369, 374-375).

Обратим внимание на игривый тон некоторых писем вождя к Инессе — ни к кому другому он так не обращался. Например, объясняя Арманд соотношение между “тектаром” и “акром” земли, он писал: “И посмеялся же я над Вашей открыткой, за животики брался, как говорится... Умора, да и только!... Ну, Вы не обижайтесь, что я хохотал. Я не со зла” (49; 323-324). Или при подготовке переезда из Швейцарии через Германию в Россию: “Вы скажете может быть, что немцы не дадут вагона. Давайте пари держать, что дадут! Конечно, если узнают, что сия мысль от меня или от Вас

исходит, то дело будет испорчено... Нет ли в Женеве дураков для этой цели?..” (49; 406).

Арманд жила в небольшом швейцарском городке Клоране — и вождь настаивал, чтобы она вместе с ним ехала в Россию. Цитата из письма от 19 марта 1917 г.: “Вчера писал Вам открытку с дороги, думая, что Вы несомненно уже думаете и решили ехать в Берн к консулу. А Вы отвечаете: колеблюсь, подумаю. Конечно, нервы у меня взвинчены глубоко. Да еще бы! Терпеть, сидеть здесь... Вероятно, у Вас есть причины особые, здоровье может быть нехорошо и т. д.” (49; 405).

Арманд наконец решила ехать вместе с Лениным, от которого приходит очередное сообщение: “Деньги (100 frs), надеюсь, получили в экспрессе, посланном утром. Денег на поездку у нас больше, чем я думал, человек на 10-12 хватит, ибо нам здорово помогли товарищи в Стокгольме” (49; 424).

Последняя фраза, впрочем, важна для раздела о “немецком золоте”.

Как известно, Ленин, Крупская и Арманд возвращались из Швейцарии в Россию в одном купе знаменитого “поезда в революцию”.

Об этом итальянские кинематографисты создали фильм “Ленин... Поезд”, чем вызвали буквально панику в высшем эшелоне власти Советского Союза, о чем свидетельствовала засекреченная докладная записка второму лицу в руководстве партии Е.К.Лигачеву, написанная руководителями идеологического и международного отделов ЦК КПСС, а также КГБ СССР за два месяца до 70-летия октябрьского переворота. Они очень боялись, что в фильме “особое внимание будет уделено личной жизни В.И.Ленина”.

По приезде в Россию Ленин жил в Петрограде, а Инесса Арманд обосновалась в Москве. Сохранилось несколько коротких писем Ленина к Арманд весны 1917 года. В этих письмах наряду с другим (например, разбором общего багажа: “Сейчас получил два пакета для Вас — из тех, что были вынуты из Вашей корзины”) Ленин сообщал: “Желаю всего лучшего и в смысле работы, и в смысле устройства с заработком, и в смысле жизни с детьми”. “У нас все то же, что Вы сами здесь видали, и “конца краю” переутомлению... Начинаю “сдавать”, спать втрое больше других и пр. Как

Вы? довольны ли Москвой? С удовольствием большим вижу иногда из московского “Социал-Демократа”, как Вы берете разную работу в разных районах, но, конечно, из газеты мало видно”. (Лен. сб. XXXVII, стр. 57, 58).

Арманд являлась делегатом 7-й (Апрельской) партийной конференции 1917 года, где встречалась с Лениным, и делегатом VI съезда партии в июле 1917 года, на котором Ленин отсутствовал, ибо находился в последнем подполье. Была членом Исполнительной комиссии Московского комитета партии, гласной Московской городской думы. После октябрьского переворота Инесса работает буквально на износ. Она член Московского окружкома партии, Московского губисполкома, председатель Московского губсовнархоза. С 1918 года — заведующая отделом по работе среди женщин ЦК РКП(б).

Об этом периоде взаимоотношений Ленина и Арманд свидетельств мало, нет возможности проверить их достоверность. Не берусь судить, насколько правдивы ставшие известными из вторых рук воспоминания М.В. Фофановой, на петроградской квартире которой Ленин скрывался накануне октябрьского переворота. В эти дни Маргарита Васильевна якобы передавала письма Ленина по многим адресам, в том числе и Инессе Арманд.

“...В Октябрьской революции Арманд не участвовала, — свидетельствовала Фофанова. — Письма Ленина к Инессе Федоровне носили личный характер. Я не могла отказать Владимиру Ильичу. О его теплых связях с Инессой Надежда Константиновна знала. На этой почве между Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной были серьезные конфликты еще до октября. Но особо остро возник конфликт между ними после революции, когда Ильич стал главой Советского правительства. Владимир Ильич назначил Инессу Федоровну председателем совнархоза Московской губернии и поселил ее у кремлевских стен, напротив Александровского сада, рядом с квартирой своей сестры, Анны Ильиничны. Он часто пешком навещал Инессу Федоровну.

Надежда Константиновна заявила Владимиру Ильичу, что если он не прекратит связь с Арманд, то она уйдет от него. К сожалению, семейный конфликт стал достоянием членов ЦК партии и правительства, которые все знали и замечали.

Вскоре после назначения Арманд на должность председателя совнархоза Московской губернии обнаружилось, что она не справляется с этой совершенно необычной для нее работой. Тогда по инициативе Ленина она была назначена на вновь созданную должность заведующей женским отделом при ЦК РКП(б)».

В известном дневнике Ф.Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым» — запись от 16 февраля 1985 г.: «Говорят, Крупская настаивала, чтобы Инессу Арманд перевести из Москвы...» «Могло быть. Конечно, это необычная ситуация. У Ленина, попросту говоря, любовница. А Крупская — больной человек».

16 декабря 1918 г. Ленин после беседы с комендантом Кремля переговорил с Арманд и направил ее к коменданту с запиской:

«Коменданту Кремля, товарищу Малькову.

Т.Мальков! Подательница — тов. Инесса Арманд, член ЦИК. Ей нужна квартира на 4-х человек. Как мы с Вами говорили сегодня, Вы ей покажите, что имеется, т.е. покажите те квартиры, которые Вы имели в виду. Ленин». (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.7785).

В начале 1919 года Арманд по поручению Ленина в составе Советской миссии Красного Креста ездила во Францию для работы с личным составом Российского экспедиционного корпуса, интернированного на территории бывшей союзной державы. Дипломатических отношений у Советской России с Францией не было, миссию даже арестовали на короткий срок, но в конце концов Арманд добилась незамедлительного возвращения на родину нескольких сотен солдат. Большинство из них вернулось в Россию в конце того же года. По дороге во Францию Арманд написала письмо старшей дочери Инне, в котором, в частности, говорилось: «Вот я и в Питере. Ехали мы чрезвычайно долго. Прибыли сюда только к 10 часам вечера, но едем пока очень удобно и тепло. Сегодня переночевали в Питере и сегодня утром едем дальше. И через несколько часов уже не будем больше на нашей дорогой социалистической родине. При отъезде какое-то смешанное чувство. И хочется ехать, а когда подумаю о вас, то не хочется, и вообще много думаю о вас, моих дорогих и милых. В твое письмо вкладываю: пер-

вое письмо для Саши, второе письмо для Феди (сыновья Инессы Федоровны — А.Л.) и третье письмо для Ильича. О последнем пусть знаешь **только ты**. Письма первое и второе передай немедленно, а письмо 3-е **пока оставь у себя**. Когда мы вернемся, я его разорву. Если же со мной что случится (не говорю этого потому, что считаю, что в моем путешествии есть какая-то особая опасность, но в дороге, конечно, всякое может быть, одним словом, на всякий случай), **тогда передай это письмо Вл.Ил. Лично ему**. Передать это можно таким образом: зайти в “Правду”, там сидит Мария Ильинична, и передашь это письмо и скажешь, что это письмо от меня **и лично** для В.И. А пока держи письмо у себя... Письмо В.И. запечатано в конверте”. Ясно, что после благополучного возвращения Арманд уничтожила свое письмо.

Тесные личные контакты с Лениным и Крупской восстановились у Арманд два года спустя после октябрьского переворота. Крупская свидетельствовала: “В конце 1919 года к нам часто стала приходить Инесса Арманд, с которой Ильич особенно любил говорить о перспективах движения. У Инессы старшая дочь уже побывала на фронте, чуть не погибла во время взрыва 25 сентября в Леонтьевском переулке. Помню, как Инесса пришла к нам однажды с младшей дочерью Варей, совсем молодой тогда девушкой, потом ставшей преданнейшим членом партии. И Ильич при них, как я по старинке выражалась, “полки разводил”; помню я, как поблескивали глаза у Варюшки”.

Ленин проявлял заботу об Арманд и ее близких, о чем свидетельствуют четыре записки от февраля 1920 года, не вошедшие в “полное” собрание сочинений вождя. Приведем их полностью:

“Дорогой друг! Хотел позвонить к Вам, услышав, что Вы больны, но телефон не работает. Дайте №, я велю починить. Что с Вами? Черкните 2 слова о здоровье и о прочем. Привет! Ленин”.

“Дорогой друг! Черкните, пожалуйста, что с Вами. Времена скверные: сыпняк, инфлуэнца, испанка, холера. Я только что встал и не выхожу. У Нади 39° и она просила Вас повидать. Сколько градусов у Вас? **Не надо ли чего** для лечения? Очень прошу написать откровенно. Выздоровливайте! Ваш Ленин”.

“Дорогой друг! Напишите, был ли доктор и **что сказал**. Надо выполнить **точно**. Телефон опять испорчен. Я велел починить и прошу Ваших дочерей мне звонить о Вашем здоровье. Надо точно выполнить все, сказанное доктором. (У Нади утром 37,3. Теперь 38). Ваш Ленин”.

“16-17 февраля 1920. Выходить с t° 38 (и до 39°) это прямое сумасшествие! Настоятельно прошу Вас не выходить и дочерям сказать **от меня**, что я прошу их следить и **не выпускать** Вас 1) до **полного** восстановления нормальной температуры и 2) до разрешения доктора. Ответьте мне на это непременно точно. (У Надежды Константиновны было сегодня, 16 февраля, утром 39,7, теперь вечером 38,2. Доктора были: жаба. Будут лечить. Я **совсем** здоров). Ваш Ленин. Сегодня, 17-го, у Надежды Константиновны уже 37,3”. (Лен. сб., XXXV, стр.108-109).

Еще три ленинские записки Инессе в период с 17 февраля по 28 марта 1920 года, которые не вошли не только в “полное” собрание сочинений, но и в Ленинские сборники:

“Дорогой друг! Посылаю кое-что для чтения. Газеты (английские) верните (позвоните, мы пришлем за ними к Вам). Сегодня после 4-х будет у Вас хороший доктор. Есть ли у Вас дрова? Можно ли готовить дома? Кормят ли Вас?

А t° теперь? Черкните. Ваш Ленин”.

“Товарищ Инесса! Звонил к Вам, чтобы узнать номер калаш для Вас. Надеюсь достать. Пишите, как здоровье. Что с Вами? Был ли доктор? Привет! Ленин”.

“Дорогой друг! После понижения t° **необходимо** выждать несколько дней.

Иначе — воспаление легких. Уверяю Вас. Испанка теперь **свирепая**. Только испанка у Вас была? А **бронхит**? Не надо ли еще книжечек?

Пишите, присылают ли продуктов для Константинович? (Сестра мужа Инессы Федоровны, работала в это время в МК РКП(б) — А.Л.) Напишите поподробнее.

Не выходите раньше времени! Ваш Ленин. (Н.К. поправляется)”. (“Известия ЦК КПСС”, 1989 г., № 1, стр.215-216).

В жаркие летние дни 1920 года Арманд работала с утра и до поздней ночи, являясь делегатом II конгресса Коммунистического Интернационала. По старой памяти ей пришлось переводить многочисленные речи. По сути дела, на ее пле-

чах оказались организация и проведение Международной конференции коммунисток. Не удивительно, что к концу конференции Арманд, по воспоминаниям Крупской, “еле держалась на ногах. Даже ее энергии не хватило на ту колоссальную работу, которую ей пришлось провести”. В середине августа Ленин пишет письмо Арманд, которое оказалось последним:

“Дорогой друг! Грустно очень было узнать, что Вы переутомились и недовольны работой и окружающими (или коллегами по работе). (Имелись в виду разногласия с Коллонтай — А.Л.). Не могу ли я помочь Вам, устроив в санатории? С великим удовольствием помогу всячески. Если едете во Францию, готов, конечно, тоже помочь: побаиваюсь и даже боюсь только, очень боюсь, что Вы там влетите... Арестуют и не выпустят долго... Надо бы поосторожнее. Не лучше ли в Норвегию (там по-английски многие знают) или в Голландию? Или в Германию в качестве француженки, русской (или канадской?) подданной? Лучше бы не во Францию, а то Вас там надолго засадят и даже едва ли обменяют на кого-либо. Лучше не во Францию.

Отдыхал я чудесно, загорел, ни строчки не видел, ни одного звонка. Охота раньше была хороша, теперь все разорили. Везде слышал Вашу фамилию: “Вот при них был порядок” и т.д. (Ильич охотился в местах, где ранее находилось имение семьи Арманд. Вокруг шли аресты и расстрелы крупных собственников и их семей — но Ленин отдал распоряжение, чтобы многочисленную семью “Армандов”, т.е. родственников мужа Инессы не трогали. Никто из этой семьи не пострадал даже в 30—40-е годы. — А.Л.).

Если не нравится в санаторию, не поехать ли на юг? к Серго на Кавказ? Серго устроит отдых, солнце, хорошую работу, наверное, устроит. Он там власть. Подумайте об этом.

Крепко, крепко жму руку.

Ваш Ленин”. (Лен. сб. XXXVII, стр.233).

Инесса решила отдыхать на Кавказе с сыном, и Ленин проявляет много заботы об организации их отдыха. 18 августа 1920 г. он обращается к Серго Орджоникидзе (к “власти”!), напоминая ему о необходимости организации отдыха Инессы: “т.Серго! Инесса Арманд выезжает сегодня. Прошу Вас не забыть Вашего обещания. Надо, чтобы Вы протеле-

графировали в Кисловодск, дали распоряжение устроить ее и ее сына как следует и проследить исполнение. Без проверки исполнения ни черта не сделают. Ответьте мне, пожалуйста, письмом, а, если можно, то и телеграммой: “письмо получил, все сделаю, проверку поставлю правильно”. Очень прошу Вас, в виду опасного положения на Кубани, установить связь с Инессой Арманд, чтобы ее и ее сына эвакуировали в случае необходимости вовремя на Петровск и Астрахань или устроить (сын болен) в горах около Каспийского побережья и вообще принять все меры” (51; 262). Через два дня он в телеграмме вновь напоминает Орджоникидзе: “Еще просьба: не забыть обещание мне устроить на лечение выехавших 18 августа Инессу Арманд и ее больного сына, они, верно, уже в Ростове” (51; 265).

Еще накануне отъезда Арманд Ленин снабдил ее следующим документом, предназначенным для Управления курортами и санаториями Кавказа:

“17.VIII.1920 г.

Прошу всячески помочь наилучшему устройству и лечению подательницы, тов.Инессы Федоровны Арманд, с больным сыном.

Прошу оказать этим, лично мне известным партийным товарищам полное доверие и всяческое содействие.

Пред. СНК **В.Ульянов (Ленин)**” (51; 261).

После отъезда Арманд Ленин продолжал рассчитывать на ее деятельность в ЦК РКП(б). Клара Цеткин свидетельствует, что в ходе ее рассказа о коммунистической работе среди женщин Ленин заметил: “Жаль, очень жаль, что т.Инессы здесь нет. Она больна и уехала на Кавказ”.

Арманд благополучно прибыла в Кисловодск, но время было тревожное, и 2 сентября Ленин телеграфировал Орджоникидзе просьбу сообщить о борьбе с бандитизмом и об устройстве Арманд с сыном. Опасения Ленина оказались не напрасными, все чаще возникала стрельба вокруг санатория, и было принято решение начать эвакуацию отдыхающих. По дороге домой Инесса заразилась холерой и умерла в городе Нальчике. К вождю пришла телеграмма: “Вне всякой очереди. Москва. ЦЕКа РКП, Совнарком, Ленину. Заболевшую холерной товарища Инессу Арманд спасти не удалось точка кончилась 24 сентября точка тело перепроводим Москву Назаров”.

Именно там, на Кавказе, Инесса Федоровна начала писать дневник. Вот выписка из ее дневниковой записи от 1 сентября 1920 г., за три недели до смерти: “Раньше я, бывало, к каждому человеку подходила с теплым чувством. Теперь я ко всем равнодушна. А главное — почти со всеми скучаю. Горячее чувство осталось только к детям и к В.И. Во всех других отношениях сердце как будто бы вымерло. Как будто бы, отдав все свои силы, всю свою страсть В.И. и делу работы, в нем истощились все источники любви, которыми оно раньше было так богато. У меня больше нет, за исключением В.И. и детей моих, каких-либо личных отношений с людьми, а только деловые. И люди чувствуют эту мертвенность во мне и они оплачивают той же монетой равнодушия или даже антипатии (а вот раньше меня любили). А сейчас — иссякает и горячее отношение к делу. Я человек, сердце которого постепенно умирает...”

Над дневником Арманд поработали цензоры, некоторые страницы из него вырваны и не дошли до нас. Как и начальные страницы многих писем вождя к Инессе Федоровне.

3 сентября Арманд запишет: “Да, мы еще далеки от того времени, когда интересы личности, интересы общества будут вполне совпадать. Сейчас жизнь наша — сплошная жертва. Нет личной жизни потому, что все время и силы отдаются общему делу. Или, может быть, это я не умею, другие, может быть, и выкраивают себе все-таки хоть небольшой уголок счастья?”

И, наконец, приведем последнюю запись Инессы Федоровны от 11 сентября 1920 г., за две недели до скоропостижной смерти: “...поражает меня, как мы далеко ушли благодаря революции от прежних романтических представлений о значении любви в человеческой жизни. Для романтиков любовь занимает первое место в жизни человека, она выше всего. И еще недавно я была гораздо ближе к такому представлению, чем сейчас. Правда, для меня любовь никогда не была единственным. Наряду с любовью было общественное дело. И в моей жизни, и в прошлом было немало случаев, когда ради дела я жертвовала своим счастьем и своей любовью. Но все же раньше казалось, что по своему значению любовь имеет такое же место, как и общественное дело, сейчас это уже не так. Значение любви по сравнению с

общественной жизнью становится совсем маленьким, не выдерживая никакого сравнения с общественным делом. Правда, в моей жизни любовь занимает и сейчас большое место, заставляет меня тяжело страдать, занимает значительно мои мысли. Но все же я ни минуты не перестаю сознавать, что как бы мне ни было больно, любовь, личные привязанности — ничто по сравнению с нуждами борьбы. Вот почему воззрения романтиков, которые раньше казались вполне приемлемыми, теперь уже кажутся...”

На полуслове дневник обрывается.

Инесса Федоровна умерла 24 сентября 1920 г.; в условиях гражданской войны на месте не могли найти ни свинцового гроба, ни отдельного вагона. Пришлось вмешиваться лично вождю — и только 11 октября тело Арманд смогли доставить в Москву.

В книге воспоминаний “Зимний перевал” Елизавета Драбкина свидетельствовала:

”Вечером десятого октября патрульная группа, в которую входила я, вышла на дежурство. Ночь была по-осеннему сырой и темной. Мы сильно продрогли и с нетерпением ждали утра. Уже почти рассвело, когда, дойдя до Почтамта, мы увидели двигавшуюся нам навстречу похоронную процессию. Черные худые лошади, запряженные цугом, с трудом тащили черный катафалк, на котором стоял очень большой и поэтому особенно страшный длинный свинцовый ящик, отсвечивающий тусклым блеском.

Стоя у обочины, мы пропустили мимо себя этих еле переставляющих ноги костлявых лошадей, этот катафалк, покрытый облезшей черной краской, и увидели шедшего за ним Владимира Ильича, а рядом с ним Надежду Константиновну, которая поддерживала его под руку. (!) Было что-то невыразимо скорбное в его опущенных плечах и низко склоненной голове. Мы поняли, что в этом страшном свинцовом ящике находится гроб с телом Инессы.

Ее хоронили на следующий день на Красной площади. Среди венков, возложенных на ее могилу, был венок из живых белых гиацинтов с надписью на траурной ленте: “Тов. Инессе Арманд от В.И.Ленина”.

По словам Марсея Боди, Коллонтай также свидетельствовала, что Ленин на похоронах Инессы “был неузнаваем”,

шатался, “мы думали, что он упадет”. Романтичная по натуре Коллонтай считала: “Он не мог больше жить после смерти Арманд. Смерть Инессы ускорила развитие болезни, которая свела его в могилу”.

А вот свидетельство третьей очевидицы, известной деятельницы международного рабочего движения Анжелики Балабановой, которая, кстати, достаточно неприязненно относилась к Арманд, считая ее “догматичной большевичкой”: “Я искоса поглядывала на Ленина. Он казался впавшим в отчаяние, его кепка была надвинута на глаза. Всегда небольшого роста, он, казалось, сморщивался и становился еще меньше. Он выглядел жалким и павшим духом. Я никогда ранее не видела его таким. Это было больше, чем потеря “хорошего большевика” или хорошего друга. Было впечатление, что он потерял что-то очень дорогое и очень близкое ему и не делал попыток маскировать этого”. Она же писала в другом месте — у Ленина “глаза, казалось, исчезли в болезненно сдерживаемых слезах. Всякий раз, как движение толпы напирало на нашу группу, он не оказывал никакого сопротивления толчкам, как будто был благодарен за то, что мог вплотную приблизиться к гробу”.

Так три женщины-свидетельницы описали тяжелейшие переживания вождя у гроба своей возлюбленной.

Конечно, не выдерживает критики предположение Балабановой, что одна из дочерей Инессы Арманд была дочерью Ленина. Они родились задолго до знакомства Ленина с Арманд. Вождь очень тепло относился ко всем детям Арманд, о чем свидетельствуют его многочисленные письма, записки, свидетельства очевидцев.

Весной 1921 г. Ленин обращался к председателю Моссовета:

“24.IV. т.Каменев! Дети Инессы Арманд обращаются ко мне с просьбой, которую я усердно поддерживаю:

1) Не можете ли Вы распорядиться о посадке цветов на могиле Инессы Арманд?

2) То же — о небольшой плитке или камне?

Если можете, черкните мне, пожалуйста, через кого (через какие учреждения или заведения) это Вы сделали, чтобы дети могли туда дополнительно обратиться, проверить, дать надписи и т.п.

Если не можете, черкните тоже, пожалуйста: может быть, можно приватно заказать? или, может быть, мне следует написать куда-либо, и не знаете ли, куда?

Ваш **Ленин**” (52; 166).

А в мае 1921 года Ленин писал младшей сестре записку, мной впервые опубликованную:

“М.И.Ульяновой

Привези, пожалуйста,

1) Надину обувь

а) большие башмаки ее;

б) новые туфли легкие, черные,

2. Армандов.

Привет! Ленин”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.19074).

В условиях массового голода в стране Ленин нередко направлял близких ему людей в советские посольства за рубеж. Вот выдержки из его писем послу в Персии Ф.А. Ротштейну. 11 июля 1921 г.: “Рекомендую Вам подателя Александра Александровича **Арманд**, и его сестру Варвару Александровну. Я этих молодых людей знаю и сугубо о них забочусь. Чрезвычайно был бы Вам обязан, если бы Вы на них обратили внимание и помогли им всячески” (53;21). 7 декабря 1921 г.: “Прошу Вас позаботиться о Варе Арманд и, если нужно, отправить ее сюда не одну и снабдив теплым платьем” (54;67).

Крупская оставила теплые, если не восторженные воспоминания о своей “сопернице”. В 1926 году она являлась редактором сборника “Памяти Инессы Арманд”. Самозабвенно посвятив всю себя мужу, Надежда Константиновна после его смерти стремилась уберечь его личную жизнь от всяких кривотолков. Детей же Инессы Арманд Крупская в своей одинокой старости любила горячо и искренне.

Лишь лицемерным пуританством власть предержащих можно было объяснить тот факт, что о единственной любви в жизни Ленина — к Инессе Арманд — упоминать было строжайше запрещено. Ведь это яркое чувство не умалило неизменно добрых отношений вождя со своей женой, верной помощницей и спутницей жизни. Накануне полной потери речи Ленин продиктовал свое предпоследнее письмо, защищавшее достоинство жены от грубости Сталина: “Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, и

нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня” (54; 330).

Хотя есть и другое объяснение сокрытия правды — если ленинизм был религией, верой, то обожествленный вождь не должен был иметь такой человеческой слабости, как любовь вне брака. Хотя сам он в полемике с Арманд такую любовь признавал.

Хотел бы высказать одну версию — не трагическая ли смерть Арманд на далеком Кавказе явилась причиной, почему Ленин начал создавать для близких ему людей шикарные санатории и даже персональные дачи в Подмосковье? Вот одна из его записок, хранящаяся в Архиве Президента РФ и впервые опубликованная Д.Волкогоновым:

“Т. Сталин!.. Кстати. Не пора ли основать 1-2 образцовых санатория не ближе 600 верст от Москвы. Потратить на это золото, тратим же и **будем долго** тратить на неизбежные поездки в Германию. Но образцовыми признать лишь те, где доказана возможность иметь врачей и администрацию пунктуально строгие, а не обычных советских растяп и разгильдяев. 19/V. Ленин”.

Ниже следует приписка: “В Зубалово, где устроили Вам, Каменеву и Дзержинскому, а рядом устроят мне дачу к осени, надо добиться починки жел. ветки к осени и полной регулярности движения автодрезин. Тогда возможно быстрое и **конспиративное** сношение круглый год...” (АПРФ, ф.45, оп.1, д.694).

Записка эта датирована 1922 годом, а ровно за год до нее вождь, узнав о создании еще одного Дома отдыха Совнаркома, обращался к Молотову: “Я боюсь, что это вызовет нареkania. Прошу Оргбюро рассмотреть этот вопрос внимательно. Может быть, рациональнее было бы назвать этот дом отдыха просто по номеру “Дом отдыха номер девять...” Иначе боюсь нареkаний”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.18552).

Преимники Ленина в течение семи десятилетий строго придерживались указаний вождя — льготы и привилегии партийной и государственной номенклатуры хранились в строгой тайне.

Мало что изменилось в этом отношении и в настоящее время. Номенклатурные льготы продолжают оставаться государственным секретом.